

Пожалуй, наиболее трудной и наиболее интересной была сдача экзамена по физике у одного из “младших” профессоров — Хвольсона, сейчас я уже не помню, как его звали. Для экзамена профессор подобрал группу; человек 10, кроме нас были товарищи с других факультетов и “хвостисты”, не сдавшие экзамен весной. Начало экзамена было довольно обычным, профессор познакомился с нами, раздал экзаменационные билеты, а затем спросил: “Ну как? Ознакомились с билетами? Все можете ответить? Кто чего не знает, признавайтесь сразу”. Мужества “признаться” ни у кого из нас не было. “Ну ладно! Теперь готовьтесь! Пользоваться можно любыми записями и любыми книгами. Вот здесь на полке лежат учебники, здесь учебные пособия, если надо будет уточнить что-либо, а вот на этой полке все журналы, на которые в учебниках делаются ссылки. Часа через два я вернусь и тогда посмотрим, как Вы подготовились”.

Трудность этого экзамена была в том, что во время ответа нужно было не только дать формулу, закон или результат, но показать, как он был получен, каков смысл этого результата и даже где и как о нем было прочитано. Находка в книгах точного ответа на поставленный в билете вопрос, составление хорошего конспекта ответа уже оценивались профессором тройкой. Петерку, насколько помнится, никто не получил, но и для четверки нужно было не только уточнить проблему, но и показать, как и где было найдено это уточнение.

Для моей дальнейшей деятельности этот экзамен дал очень много, особенно для меня как преподавателя, а преподавал я после окончания университета более 30—35 лет. Прежде всего я перестал бояться “шпаргалок” у студентов. Если студент сам написал шпаргалку и сознательно ею пользуется, то это как раз то, что надо. Никто никогда не запомнит точно ту или иную формулу; надо знать пути, где эту формулу можно найти и надо понимать ее смысл. Много раз потом я экзаменовал студента по его же шпаргалке и, надо сказать, получал очень хорошее представление о знаниях и способностях данного студента. Совместная работа с этими, уже бывшими студентами, позволяла много раз убедиться в справедливости моей тогдашней (во время экзамена) оценки.

Для меня как ученого, экзамен у Хвольсона был первым уроком преподавательного пользования книгами.

Предмет минералогии распадался на три или четыре зачета и экзамен. Все это заняло у нас не более недели. После работ с “Кондуровской” коллექцией в Тбилиси, не готовясь, мы сдали макроскопическое определение минералов, определение минералов при помощи палочной трубки и микрохимических проб, последнее было труднее, в те годы минералогическая микрохимия включала микроскопическое опреде-

ление минеральных фаз, получаемых в процессе анализа. Сейчас этот метод практически забыт — спектральный анализ дает более быстрые и более точные данные, прост был и заключительный экзамен. Его принимал у нас сам заведующий кафедрой Сергей Михайлович Курбатов и своем кабинете. В тот год С. М. работал над своей книгой о везувиане и все столы его кабинета были заставлены лотками с везувианом. В их числе были замечательные очень характерные везувианы с Якутского месторождения у устья р. Ахтаралды и весьма своеобразные плюские кристаллы кавказского Кедабекского месторождения. Было несколько менее типичных уральских образцов. Экзамен наш начался как раз с вопросов, что это за минерал и дальше свелся к нашему рассказу о Кедабекском месторождении, которые мы хорошо знали.

Коллектив кафедры минералогии в те годы был весьма небольшим, кроме С. М. Курбатова, там преподавали Лидия Леонидовна Солододникова (доцент), тогда занимавшаяся полевыми шпатами, и Екатерина Федоровна Чирва, некоторое время там преподавала Т. Красенская и я еще заснял там Искюля, который позднее ушел в керамический институт вместе с Красенской. С нами вместе училась дочь Искюля, в те годы очень милая девушка, которая стала потом видным петрографом, опубликовавшим большое число работ.

Был на кафедре еще один преподаватель, это Петр Андреевич Замитченский, перешедший кафедре С. М. Курбатову, в то время он сам находился на пенсии и читал только факультативные курсы.

После того как мы сдали все зачеты и экзамены и стали полными равными студентами университета, мне захотелось поближе познакомиться с минералогической кафедрой. Не знаю, как сейчас, но в те годы кафедра минералогии была одной из немногих, куда вход был заперт на ключ. Когда у меня появился небольшое свободное время, я поинтересовался на кафедре. Открывшая мне дверь лаборантка спросила: “Что Вам нужно?” Мне ничего не было нужно, просто я хотел узнать, ну жең ли я на кафедре. Я буркнул первое, что пришло в голову: “Я хотел бы посмотреть музей”. “Это должен разрешить профессор, он будет в 3 часа”. И дверь захлопнулась. Не надо бы, но в 3 часа я пришел на кафедру вновь. Дверь открыл профессор: “Мне говорили, Вы хотите посмотреть музей, я придержал ассистента, она пройдет с Вами и покажет Вам то, что Вас интересует”.

Красенская повела меня в музей.

— Что Вас интересует?

— Что у Вас есть кавказское?

— Нет ничего.

— Как же так ведь у Вас прошел ученье Г. Г. Леммлейн, а у него прекрасные коллექции, неужели он Вам в музей ничего не оставил?

- Не знаю, кажется ничего.
- Как же так может быть?
- Не знаю. Так что же вы хотите посмотреть?
- Ну хотя бы цеолиты!
- Вот они в вбирине.

Мое посещение было вряд ли многим дольше, чем Вы читали этот диалог. С тех пор за три года пребывания в университете я приходил на кафедру минералогии только тогда, когда надо было получить какие-либо бумаги. Е. Ф. Чирва была долгое время секретарем факультета, и все связи с внешним миром шли некоторое время через нее.

Надо сказать, что, прочитавшись в университете три года и окончив его со специальностью "минералогия", я не оставил там, как и Г. Деммлейн ни одного образца.

Впрочем, я грешу говоря, что больше не бывал на кафедре минералогии, Мы трое решили прослушать курс минералогии у С. М., но были на его лекции всего 2 или 3 раза.

Минералогия, если ее читать формально, скучна невероятно. Это совершенно однообразное перечисление химических классификаций и свойств минералов. Сергеей Михайлович читал ее именно так: диктовал, что надо запомнить, и минералогия превращалась в пустую "диалектику". Слушать эти лекции у нас отпадало всякое желание. Совершенно не то было у Александра Антоновича в Тифлисе. Его лекции по минералогии были поэмой о камне. Камень подавался как один из компонентов природы, он жил вместе со всеми породами и соседними минералами. Привлекались примеры из ближайших мест на Кавказе, если это было возможно, а если нет, то рассказывалось строение зарубежных месторождений, их история и роль в культуре человечества. Привлекалась широко история и археология и конечно рассматривались вопросы геохимии и эволюции камня. Запомнилась мне одна из лекций А. А. – "О медном колчедане", его окислении и появления окрасок бурой: порожденной железом, и зеленой – медью. Отсюда вытекали окраски минералов, и перечисление зеленых окрасок – медных и хромовых – такая лекция запоминается легко – здесь не надо зубрежки, и без нее ни один студент никогда не забудет, что у малахита и уваровита окраска зеленая, а охра – бурая и что совместное их нахождение говорит об окислении сульфидных медных руд.

Я уже упомянул, что в составе кафедры состоял ушедший на пенсию профессор П. А. Земляченский. Я его никогда не видел на кафедре: у него были две отдельные комнаты в соседнем корпусе, который все называли "Же-де-пом" ("место для игры в мяч"), но который был обычным учебным и административным зданием.

В годы моего ученья П. А. объявил два факультативных курса – минералогия глин и кристаллогенезис. Я посещал все лекции П. А. Группа студентов, ходивших на его лекции, была очень невелика, 5–7 человек, но весьма упорная: приходили и уходили "случайные посетители", ну а мы, постоянно ходившие, не пропускали ни одной лекции.

Введении П. А. были две небольшие, примерно метров по 20, комнаты. Похоже было, что он часто жил в этих комнатах, не уезжая в городскую квартиру, которая у него была недалеко, на 6-й линии Васильевского острова. Одна, меньшая, комната была "лабораторизированная" и здесь же стояла его раскладушка. Другая комната была кабинетом, здесь стоял большой рабочий стол, было много книг и опять лабораторное оборудование, лежащее в углах.

Лекции П. А. читал в кабинете; мы, студенты, рассаживались вокруг стола, а сам П. А. ходил по комнате, доставал из разных мест параграфы или книги, которые он демонстрировал нам по ходу лекции. Вспоминная сейчас содержание лекций П. А., я могу отметить, что и тогда, в 1927–1928 гг. они не были "последним словом науки" того времени. Но как эти лекции были интересны своей оригинальностью и тем, что они показывали механику научной работы и механику доказательства той или иной истины. В те годы П. А. писал свою работу о природе и оценке глин, ее керамических свойствах (кроме универсального он сотрудничал еще с Керамическим институтом); позднее эта работа была опубликована в Академии наук. В лекции "по глиноведению" П. А. обсуждал тогда еще очень неясную проблему – "что такое глина?" С большой экспрессией рассказывал П. А., как он, желая доказать, что любой минерал, будучи мелко раздробленным, дает глину и будет пластичным, дробил кварц и магнетит и многие другие минералы. Но в целом потерпел неудачу, любое самое тонкое дробление большинства минералов не дает "пластичного теста", подобного глине. Он извлекал из-под серици лабораторной посуды пробирку с дробленым кварцем и показывал, что этот минерал, даже очень мелкодробленый, оседает в воде, не давая с ней суспензии. То же магнетит, а вот гематит, так он почти моделирует глину, так же как и спод, и опять пробирки давние, им уже более 10 лет, но они не стали за это время менее доказательными.

Во время Великой Отечественной войны мне пришлось, снабжая сирьяем уральские заводы, специализироваться "на глине", и я с того времени изучаю месторождения глин, часто вспоминаю лекции П. А. Земляченского. Сейчас в области ученья о глинах мы находимся на принципиально ином уровне; мы очень хорошо знаем минералогию глин, структуру каждого глинистого минерала и причину их

свойств, хорошо понимаем их особенность и своеобразие. Изучение глин дадо возможность понять природу закрученных кристаллов, выявились волнистые структуры и, наконец, появился новый класс смешанных кристаллов, и тем не менее вопрос, поставленный П.А. Земляченским на своих лекциях по глиноведению ждет ответа — Что же такое глина? Почему она появилась на земле? Чем обусловлено ее такое резкое отличие от всех других минералов.

Понемногу, только через 60 лет после опубликования работ П.А., начинается понимание роли глинистых минералов в жизни на земле и их значения для формирования всей земной коры и других факторов природы на земной поверхности.

Думаю, что идеи П.А. Земляченского придется осваивать, продумывать еще многие годы.

Не менее содержательными и своеобразными были лекции П.А. Земляченского по кристаллогенезису. В сущности говоря, в лекциях он довольно долго рассматривал свой старый классический опыт кристаллизации квасцов в присутствии мочевины, когда квасцы, кристаллизуясь в чистой воде, давали правильные восьмигранники — октаэдры, а в присутствии мочевины на кристаллах квасцов возникала грань куба, которая была тем больше, чем больше мочевины было в растворе, из которого кристаллизовались квасцы. Интересно было, как этот факт толковал сам П.А. Он говорил о взаимоотношении кристалла в растворе как о реакции, об энергетическом значении каждой грани, как о причине ускорения роста граней и осаждения веществ, выделяющихся на той или иной грани кристалла из раствора.

Несколько слов о кафедре кристаллографии. Мне не приходилось систематически проходить курс кристаллографии в ЛГУ, он читался на втором курсе. Поэтому мне самостоятельно пришлось сдавать его проф. Аншелгу и проходить занятия по практическому курсу кристаллографии у Екатерины Евтихиевны Костылевой, с которой впоследствии мне пришлось работать совместно многие годы, вплоть до ее кончины, в нашем институте. Хотя кристаллографию в ее университетском объеме мы довольно хорошо прошли в Тифлисском университете, но на занятиях у Е.Е. для нас было много нового, во-первых, задачи по кристаллизации, когда студенту предлагается получить либо самые совершенные кристаллы, либо деформированные, и, наконец, зональные октаэдры из аллюминиевых и хромовых квасцов. Новым была практика по проектированию кристаллов и их измерениях.

Сейчас геометрическая кристаллизация уже отошла в прошлое, я не знаю, есть ли где-нибудь в Москве сейчас хороший кристаллонометр в рабочем состоянии. У нас в Институте он был. На нем работали уже упоминавшаяся Е.Е. Костылева и Э.М. Куплетская, но после того как они ушли из жизни, гониометрическая комната сначала была

складом, а теперь она переделана под канцелярию. Мне “гониометрическую” жалко. Изучение морфологии кристаллов давало очень много для познания законов кристаллообразования. Не знаю справедливо ли это; конечно, измерением кристаллов сейчас, в качестве диагностического признака, никто заниматься не будет. Но все-таки совсем ли погибла геометрическая кристаллография?

Кафедра петрографии в годы нашего ученья практически сливалась с кафедрой геологии. У этих кафедр была одна профессорская, одна лаборантская с главным лаборантом — другом студентов — Андреем Федоровичем Рихтером. Рядом в соседних комнатах находились геологический и петрографический музеи. Во все время ученья эти две кафедры были нашим домом, и все свободное время мы проводили или в университетском коридоре, где стояли скамейки, или на этих кафедрах. Университетский коридор имеет длину более полукилометра, но студенты собирались “по-факультетски”, примерно в районе своих кафедр.

Из читавшихся курсов, надо сказать, далеко не все оставляли большое впечатление, в частности, курс петрографии, читавшийся Ф.Ю. Левинсон-Лессингом, был не очень привлекателен. Он только что окончил писать свой курс петрографии, и эта книга вышла как раз в тот год, когда мы слушали курс петрографии. В своих лекциях Ф.Ю. и обшем повторял то, что было написано в этом курсе. Студенты, следившие за лекциями по учебнику, фактически из лекции не получали чего-либо нового. Интересны однако были ответы Ф.Ю. на вопросы студентов. Здесь были очень глубокие мысли и много нового, но все же Ф.Ю. на лекции и на научном кружке воспринимался по-разному. Лекции были повторением учебника (как раз то самое, что имеет место на лекциях сейчас, когда профессор повторяет написанные ранее “карты”), тогда как на кружковых занятиях, когда обсуждался тот или иной доклад студента или преподавателя, Ф.Ю. давал огромное количество фактов из литературы и его речь была исключительно насыщена новыми идеями. К ассистентам того времени у нас отношение было то же разное. Занятия и у Елизаветы Николаевны Дьяконовой-Савельевой, и у Александра Николаевича Елинцева в основном заключались в работе со шлифами под микроскопом. У Е.Н. занятия были довольно скучные, нужно было сделать формальное описание шлифа и дать название горной породы. Если все было правильно, шлиф принимался и выдавался другой. Объяснений и поправок было мало, до него надо было доходить самому, пользоваться определителем.

Совершенно иными были занятия у А.Н. Описание шлифа его никогда не удовлетворяли, он обязательно заглядывал в микроскоп и требовал привести доказательства, почему я (занимавшийся) считаю,

что минерал "А" выделился раньше минерала "Б", нужно было про-
следить в шлифе все замещения, если такие есть, и доказать, что и чем
замещается. Нужно было дать все возможные константы минералов и
подчеркнуть изменения констант в пределах минерала.

А.А. Полканов в период нашей учебы вел работу над курсом мета-
морфизма. Им был объявлен факультативный курс метаморфизма.
И этот курс мы слушали с огромным интересом. Сейчас я понимаю,
что в основу своего курса А.А. поставил книгу Ван-Хайза, и многие из
излагаемых тогда положений были взяты прямо из этой книги, одна-
ко огромное количество приводимых им собственных материалов по
Карелии и Кольскому полуострову делало изложение весьма новым,
интересным и живым. Парадигмально с лекциями А.А. демонстрировал
многие свои шлифы, давал их интерпретацию и подчеркивал те осо-
бенности пород, которые мы могли наблюдать сами и которые вели
к тому или иному выводу.

В те годы работы Седеггольма не пользовались "большим уваже-
нием". Это было как раз то время, когда они были временно "забыты",
но о Седеггольме, и о нашем несчастном Лукашевиче, написавшем свою
книгу о метаморфизме в заключении, в Шлиссельбургской крепости, я
услышал впервые на лекциях А.А. Полканова.

Многое сейчас понимается не так, как это излагал А.А. Полканов,
но самое главное, он прививал нашим студентам любовь к метамор-
фическим породам и к Кольскому полуострову. Недаром многие из
моих сокурсников на всю жизнь остались верны Карелии и Кольско-
му (Киселев, Кошпц, Вологовская и др.).

Из геологических лекций я конечно должен упомянуть лекции
Тетяева. На его лекциях был чуть ли не "весь геологический комитет".
Во всяком случае мы, студенты (для которых формально читались эти
лекции), были в меньшинстве и терялись среди "массы" геологов.

Все, кто знает работы Тетяева, конечно хорошо поймет содержа-
ние его лекций. Для тех же, кто историю тектоники знает не очень твер-
до, я приведу высказывание А.В. Пека, которое я от него слышал
примерно года через 3-4 после моего приезда в Ленинград. В то вре-
мя я уже был ассистентом кафедры геологии Политехнического ин-
ститута, а Пек работал вместе с Тетяевым в Забайкалье. Дело было
поздним вечером, Пек зашел на кафедру и сидя на "святая-святых"
кафедры — рабочем столе Франца Юльевича, вещал нам, молоддежи:
"Чему нас здесь учили? Вернуть столик! Да определить номер плаги-
оклаза! А зачем это? Разве это нужно геологу в поле! Для геолога за-
частую высыпка из мышиной норки дает больше, чем сотня шлифов.
Только сознательное построение структуры района дает возможность
понять геологию и дать прогноз". Мы слушали и верили и не верили,
особенно я, который три года ходил на лекции к Тетяеву.

Но прошло еще пару лет, и так же ночью я встретил А.В. Пека,
выходящим из кабинета Б.М. Куплетского в Петрографическом ин-
ституте. Пек был каким-то одуревшим. "

— Что с тобой Арнольд?

— Ой устал, только что нанес на диаграмму чetyрехтысячную оп-
тическую ось кварца.

— А как же, в Политехническом где ты говорил о мышиной норке
и бесполезности верчения столика?

— Ну, ко всему надо подходить по-разному, сейчас у меня синтез
того и другого. И ведь очень интересно получается".

Он в этом году работал с Куплетским на Кольском в области крис-
таллических пород. Напомню, что несколько времени спустя А.В. Пек
написал учебник-руководство по изучению петрогеотектоники. Учебни-
ком этим специалисты пользуются до сих пор.

Годы, когда я слушал лекции Тетяева, были годами расцвета его
таланта. Позднее его взгляды эволюционировали и потеряли свою ос-
троту.

Геологическая научная жизнь Ленинграда в конце 20-х годов

Вскоре после нашего переезда в Ленинград как-то в университет
нас, троих трифлисовцев, подвозил к себе Ф.Ю. Левинсон-Лессинг:

— Завтра в малом конференц-зале общее собрание академии, ака-
демик Жебелев будет делать доклад по истории славян в Причерно-
морье. Меня не будят, но, если хотите, приходите. Не знаю, насколько
будет интересен доклад, но вы там увидите многих академиков и оку-
пегерь в атмосферу Академии наук".

Конечно, мы очень хотели и в точно назначенное время вошли в
знаменитое здание Академии. Насколько помню, при входе был швей-
цар, который очень любезно показал нам, куда и как идти, и мы, под-
нявшись по не менее знаменитой, чем само здание, широкой лестнице,
на второй этаж к ломоносовской картине "Полтавская баталия" и вой-
дя в первую парадную комнату, повернув направо, попали в действи-
тельно "малую" аудиторию, вмещающую человек 50-60, где уже
рассаживались слушатели. Надо сказать, что узнать академиков, си-
левших в зале, нам не удалось. Никто знакомых мы не встретили, и
спросить было не кого. В аудитории было много молоддежи, явные сту-
денты университета, а пожилые люди были только вкраплены.

Жебелев начал свой доклад. Это был классический пример, как не
следует делать доклады. Он читал его содержание по бумажке. При

этом читал совершенно односторонно, не выделяя фраз и смыслового центра. Хотя я очень внимательно слушал, но совершенно не помню, о чем собственно шла речь в докладе.

Запомнилась другая. В самом начале доклада в противоположном от нас краю зала послышалось тихое сопение, затем оно постепенно перешло в слабое похрапывание, а еще дальше началось откровенный громкий храп. Жебелев продолжал читать свою записку, Президиум молча сидел и слушал, присутствующие тоже. Была напряженная внимательная тишина, голоса Жебелева были почти не слышно; остальными сидели тихо, и над всем собранием лился сочный храп с мощными рудалами, который как бы "никто не слышал". Храп прекратился только тогда, когда начались прения.

Урок этого доклада запомнился мне на всю жизнь. И, начиная рассказ о научной жизни 20-х годов, я начал именно с этого заседания, чтобы подчеркнуть, во-первых, всеобщее уважение друг к другу и к обсуждаемому предмету. Никто не прерывал Жебелева, никто не попросил его изменить стиль чтения, ни один из присутствующих "не слышал" храпа на заседании. Даже ближайšie соседи не толкнули в бок храпевшего участника собрания. И он просидел все заседание более чем целый час. Хорошо это или плохо? Думаю, что хорошо. Доклад был зачитан, все вопросы разъяснены. Таким образом, все кто интересовался работой Жебелева по существу, получил полное удовлетворение. Я потом спрашивал у друзей студентов-гуманитариев о существе доклада, и все они говорили, что поднятая докладчиком проблема была очень интересной. То же относится и к спавшему: если "никто не заметил, что он спал", то явно и сам спавший поэтому не заметил, уже понастопящему, что он совершил неэтичный поступок, и будет работать, не испытывая упрямлений совести.

Получил я еще один урок, который также запомнил на всю жизнь. Если докладчик выходит на трибуну, то он должен владеть аудиторией. Научный и какой угодно другой доклад — не монолог, не урок "культурного чтения", а беседа с аудиторией. Хотя из аудитории нет каких-либо вопросов, но докладчик во все время доклада должен "слушать" реакцию аудитории и, если видно где-нибудь непонимание, повторить сказанное, разъяснить подробнее. Подчеркнуть главную мысль и добиться понимания и внимания аудитории. Никогда не следует доклад читать по-написанному. Язык доклада и язык письма — совершенно разные языки. Когда читается документ или работа, то непонятное место можно прочесть дважды, выдуматься в содержание и понять его. В докладе этого нет, место проскочило, осталось непонятным и тогда весь доклад может быть не понят. Если докладчик беседует с аудиторией, он сразу заметит, что внимание ослабло, что нет понимания его мысли и вновь вернется к непонятной части.

Кроме больших собраний Академии наук, которые были доступны любому желающему, буквально в каждом научном учреждении были свои "среды", "четверги" или "вторники", когда обычно вечером собирались все сотрудники данного научного раздела, подразделение и обсуждали научные вопросы. При этом подобные встречи негласно, но очень строго согласовывались, и за все годы моего пребывания в Ленинграде не помню, чтобы научные заседания "у Ферсмана" (в Минералогическом музее) "у Франца Юльевича" (в Политехническом институте) или "у Естествоиспытателей" (в Университете) сошлись по времени. Интересношийся человек мог попасть на любое из этих собраний. Особенно памятны мне собрания "у Ферсмана" в Минералогическом музее. За те восемь лет, что я жил в Ленинграде, я, наверное, не пропустил ни одного из этих собраний, проходивших, если мне не изменяет память, еженедельно по четвергам.

Я уже говорил, что мы, студенты-петрографы и минералогии, были "как дома" на кафедре геологии и петрографии и в любое время могли зайти туда со своими вопросами и работами. Вторым таким "домом" был у нас и Минералогический музей, мы тоже не имели никаких ограничений входа в музей. Мы имели свободный доступ в библиотеку и читальный зал. В библиотеке, размещавшуюся в круглом зале, мы постоянно заходили, брали книги и тут же, иногда непосредственно у книжных шкафов, их и читали. Кроме того, библиотека была своеобразным клубом, где можно было обсудить с друзьями новости и посмотреть выставку новой литературы. Не последней роль играли и очень любезные библиоотекариши, у которых можно было получить много сведений, нужных студентам.

Научные кружки

Заседания "Ферсмановского кружка" проходили в Минералогическом музее в круглом зале, который одновременно служил и библиотекой. Особых повесток не было, но мы, студенты Университета, всегда знали примерную программу заседания.

Из круглого зала выносились столы для читателей и туда вносились все стулья для посетителей. Вперед на месте библиоотекарей устанавливали, вернее, составляли несколько столов, чтобы получить трибуну, и на середину выдвигали большой пейсовский эпидиаскол, который до сих пор еще служил верой и правдой.

Занятия кружка велись вечером: насколько я помню, они начинались что-то около 7 часов. Все посетители занимали стулья. На трибуне